

УДК 371:94(470.41)

ПРОБЛЕМЫ «ИНОРОДЧЕСКОГО» ОБРАЗОВАНИЯ МУСУЛЬМАН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

А.А.Гафаров, Л.Н.Бродовская, В.В.Буравлёва

Аннотация

В статье исследуются процессы складывания официальной системы «иностранного» образования мусульман Российской империи. В результате анализа авторы пришли к заключению о колониальном характере образовательной политики, направленной на ассимиляцию мусульман. Вместе с тем система «иностранного» образования стала важным фактором развития просвещения мусульманских народов.

Ключевые слова: Российская империя, аккультурация, государственная политика образования мусульман.

Abstract

In this article the folding processes of the state system of education of Muslims of the Russian Empire is investigated. As a result of the analysis authors came to conclusion about especially colonial character of education policy directed at assimilation of Muslims. At the same time system of state education became an important factor in the development of education of the Muslim people.

Index term: Russian Empire, acculturation, state policy of education of Muslims.

По мере расширения границ Российской империи и продвижения её пределов на Восток, всё более актуальными становились задачи аккультурации «иностранного» населения. Складывающаяся этноконфессиональная ситуация предопределила особый интерес имперской администрации к жизни мусульманского населения. Перспективным направлением колониальной аккультурации представлялось вовлечение отечественных мусульман в систему государственного образования. Однако первые попытки в XVIII в. успеха не имели. Мусульмане, опасаясь насильственной христианизации, предпочитали держаться подальше от государственных школ, ограничиваясь религиозным образованием мектабов и медресе.

Слабый приток «иностранцев» в русские школы побудил к инициативам по созданию для них отдельных светских образовательных учреждений. В XIX в.

активно обсуждались различные проекты открытия светских училищ для мусульман в Поволжье, Приуралье, на Кавказе и в Крыму. В Казанском учебном округе с первым проектом подобной школы в 1818 г. выступили муфтий М.Хусаинов и профессор Казанского университета П.С.Кондырев. Данный проект предусматривал создание двух училищ для мусульман в Казани и Оренбурге. В них помимо религиозных предметов планировалось преподавание русского и одного из европейских языков, а также цикла общеобразовательных дисциплин. П.С.Кондырев предложил, в том числе, создать светское училище для мусульман в Чистополе. В этих училищах готовились бы будущие указные муллы, учителя, чиновники; лучшие выпускники получили бы право поступать в университет [14, с.359]. Однако эти проекты не были реализованы по причине противоречий с официальными органами. Попечитель Казанского учебного округа М.Л.Магницкий видел в этих училищах лишь учреждения для активизации миссионерской работы. В Крыму были также сделаны попытки открыть волостные татарские училища (для подготовки волостных и сельских писарей), татарские классы при трёх уездных училищах, татарское отделение при симферопольской гимназии. Однако реализация этих проектов в первой половине XIX в. не получила широкого практического разрешения.

Более активно вопросы «инородческого» образования начинают обсуждаться во второй половине XIX в. Наряду с государственными учреждениями предпринимаются попытки открыть земские, общественные и частные школы. О формах организации «инородческого» образования и методах обучения развернулась широкая дискуссия. Полемика, прежде всего, затронула ключевой вопрос о языке преподавания в «инородческих» школах. Также весьма спорной для части (миссионерски настроенной) педагогической общественности показалась сама возможность преподавания в школах мусульманских религиозных предметов. Значительные дебаты развернулись также вокруг принципа добровольности образования для «инородцев». Полемика вокруг этих проблем продолжалась вплоть до начала XX в. Очевидно, что постановка «инородческого» образования ставилась в прямую зависимость от задач имперской политики.

Противоречия российской педагогической мысли наиболее ярко отразила, так называемая, «система Ильминского». Н.И.Ильминский, являясь искренним поборником просвещения нерусских народов, вместе с тем неоднократно предостерегал от опрометчивого приобщения татар к достижениям европейской науки, опасаясь роста их национального самосознания. Он отвергал возможность слияния «магометанских начал или принципов и догматов с европейской наукой и цивилизацией» [10, с.6]. Поэтому он предлагал: «Пусть медресы останутся сами по себе, как терпимые, а русские школы для туземцев пусть идут на русских началах, ...без вероучения магометанского» [10, с.6]. Что касается народов Средней Азии, то «по моему понятию, киргизов и сартов вовсе не следовало бы привлекать и допускать в гимназию» [11, с.74]. Н.П.Остроумов (ученик Н.И.Ильминского) свои опасения выразил ещё более определенно: научное образование мусульман «бессильно, при известных обстоятельствах, заглушить в людях национальное чувство»; «национальное самосознание от образования даже ещё проясняется и получает большую устойчивость» [18, с.31].

Н.И.Ильминский высказался за неразрывную связь образования и христианизации. Он выступил одним из инициаторов миссионерского общества «Братство святителя Гурия», которое на основании «Положения о начальных народных училищах» (1864) создало сеть «братских» школ. К концу XIX в. в Казанской губернии в 122 «братских» школах обучалось около 5 тыс. детей [21, с.460]. Для поддержки этих школ предусматривалась подготовка учительских кадров и духовенства из представителей коренных народов. По инициативе Н.И.Ильминского были созданы Казанская центральная крещенно-татарская школа (1863), а затем Казанская инородческая учительская семинария (1872), которую он рассматривал в качестве видного и существенного звена «в системе миссионерских учреждений Казанского края и всего Востока Европейской России» [11, с.50]. Как выразился К.П.Победоносцев, крещено-татарские школы были призваны воздействовать, «прежде всего, на душу» инородцев [8, с.205].

Вне зависимости от поставленных целей «система Ильминского» объективно способствовала распространению русского языка и светского просвеще-

ния среди татар. Безусловным достоинством этой системы являлось обучение на основе родного языка «инородцев». (Исследователь школьной политики российского правительства в отношении татар Поволжья, В.М.Горохов (выпускник центральной крещёно-татарской школы), достаточно высоко оценивал деятельность Н.И.Ильминского, фактически квалифицируя ее как миссионерско-просветительскую [5].) В 1870 г. «система Ильминского» была официально признана правительственными «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» и рекомендована к внедрению в широкую практику.

Однако в государственной системе «инородческого» образования возобладала методика «указующего перста» (преподавание на русском языке). В 70-е гг. XIX в. начали создаваться трехгодичные русско-татарские училища, в которых основными предметами были русский язык и арифметика, а также давались начальные сведения по истории, географии и природоведению. Несмотря на наличие курса мусульманского вероисповедания, обучение велось главным образом на русском языке и преподавание родного языка официально не предусматривалось. К началу XX в. в Казанском учебном округе насчитывалось 57 русско-татарских училищ. Подобные школы просветитель И.Гаспринский вероятно не случайно называл мёртворождёнными учреждениями [13, с.47].

В 1876 г. были открыты четырёхлетние татарские учительские школы в Казани, Симферополе, несколько позже – в Оренбурге. Здесь подготавливали учителей из татар для «инородческих» начальных школ Поволжья, Приуралья, Крыма и Средней Азии. Многие представители тюрко-татарской интеллигенции получили образование в Казанской учительской школе. Однако и она не избежала русификаторской ориентации. Не случайно Ш.Марджани, входивший в педагогический совет школы, и в течение 9 лет преподававший там вероучение, был вынужден покинуть КТУШ. Это произошло «в результате разногласий с инспектором и некоторыми учителями (в школу стали принимать учеников русско-татарских училищ, не связанных с татарской культурой)» [14, с.188]. Впоследствии (после 70-х гг.) в России не было открыто ни одного подобного учебного заведения.

В 60-е гг. «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» (подобно «Братству святителя Гурия» в Поволжье) развернуло миссионерско-просветительскую деятельность: были созданы школы для горских детей, а также открыта четырёхлетняя учительская школа в Тифлисе. В 1867 г. в 67 школах «общества» училось 1098 учеников. Однако большинство этих школ было только на бумаге. Откровенно миссионерский характер этих школ не снискал заметных симпатий у местного населения. Параллельно администрацией создавались «горские школы», ориентированные на программы русских уездных (городских) училищ. Однако они были слабо адаптированы к нуждам местного населения и за исключением русского языка были практически бесполезны. Я.В.Абрамов считал, что они были даже вредны: если «общественные» школы грамотности только дискредитировали русское образование, то горские школы выпускали безграмотных писарей, городских лакеев, людей оторвавшихся от своего народа. С конца 80-х гг. для кавказцев стали создавать, как и в других регионах, «русско-татарские» школы. Я.В.Абрамов констатировал: «К сожалению, насколько много сделано нами на Кавказе для того, чтобы всячески ухудшить экономическое положение туземного населения, настолько же мало сделано для распространения образования среди горцев. Собственно говоря, в этом отношении нами не сделано ещё даже начального шага» [2, с.70].

Намного хуже ситуация с государственным образованием мусульман была в Сибири. Хотя «в XVIII в. в Сибири было основано много «инородческих» школ, но ни одна из них, - отмечает С.С.Шашков, - не дошла до настоящего столетия» [23, с.595]. Если «в 1782–1784 гг. администрация старалась о распространении школ и обучении корану татар и киргизов», то в XIX в. ставка была сделана на конфессиональные школы, дававшие весьма скудное образование [24, с.117]. С 1853 г. был вновь поставлен вопрос об «инородческих» школах, однако формирование их шло крайне медленно (отчасти вследствие слабого финансирования, а также сопротивления местного населения, опасавшегося христианизации). Наибольшую проблему представляло преподавание образовательных предметов на родном языке, что вызывало откровенное неприятие

школьных властей. «Со стороны русской народности в Сибири, к сожалению, почти ничего не сделано для инородческого образования» [24, с.117], - с горечью констатировал Н.М.Ядринцев, - «на Кавказе в гимназиях инородцы составляют 27 % всего числа учеников; в одесской гимназии их было 22 %; в казанском округе – 2 %; в Сибири они не составляют - и одного процента» [24, с.385].

В Приуралье, Казахстане и Средней Азии постановка чисто русского образования среди инородцев с самого начала была обречена на неудачу, поскольку во главу угла ставились те же задачи русификации и ассимиляции. В 1876-1879 гг. была сделана попытка создания интернатов с обучением русского языка для казахских детей. В них обучалось всего 204 учащихся [25, с.226]. Инспектор, посланный МНП в 1900 г. для обозрения русско-казахских школ, докладывал, что «интерны должны были поступиться и в вопросе о соблюдении в стенах школы уразы (пост)», русская транскрипция вытесняет арабскую и тем парализует влияние мусульманской литературы, уроки вероучения – не более 2-3 занятий в неделю, отнюдь не позволяется, чтобы «мусульманские ученики были посвящаемы в тонкости шариата» [9, с.275-276] и т.д. Казахи «в русскую школу отдают детей нехотя, - писал Абай, - как на позор или неволю. Отдают одни бедняки с горя» [1, с.249]. В результате, как высказался на годовичном акте Туркестанской учительской семинарии М.А.Муропиев (1882): «туземные мальчики большею частью выходят из наших школ, не доканчивая учебного курса, с крайне плохим знанием русской речи, русской грамматики и русского народа; а взрослые и до сих пор отчасти страшатся русской школы, отчасти не ожидают никакой пользы от неё» [12]. Для М.А.Муропиева «русификационная политика» - главный принцип образования, который должен «по примеру казанской школьной системы держаться православной пропаганды», игнорируя религиозные убеждения туземцев [12]. Впоследствии в Туркестане была сделана попытка использовать опыт «французско-туземных» школ в Алжире. В создаваемых русско-туземных школах (первая такая школа была открыта в Ташкенте в 1884 г.) дети коренных народов обучались с русскими

детьми на русском языке. Учебные программы этих школ сохраняли для «туземцев» изучение Корана, основных догматов ислама, арабского языка и т.д. По мнению Н.А.Бобровникова они представляли «из себя как бы симбиоз мактаба и русской начальной школы» [4, с.6]. Генерал-губернаторы в 1886 г. в сфере начального образования края получили особые полномочия (права изменять штатное расписание начальных училищ, «определять учителя из туземцев, или оставлять школу без такового», открывать новые училища «на местные средства, при условии полного материального обеспечения русского учителя») [20, с.592]. Перед русско-туземными школами администрацией была поставлена задача: «ограничить преподавание сообщением основных начал русской грамотности, то есть приучить к правильному чтению, письму и счёту в пределах строго необходимых для элементарных потребностей инородческого быта» [17, с.144].

Как отмечал В.В.Бартольд, «успехи русской школы и вообще русской культуры затруднялись опасением, как бы не сообщить туземцам слишком много сведений на их языке и не содействовать этим упрочению местной литературы и местных культурных особенностей, в ущерб обрусению. В русско-туземных училищах во второе десятилетие их существования твёрдо проводился принцип, по которому занятия в русском классе должны были вестись исключительно на русском языке» [3, с.173]. Данная система преподавания методом «указующего перста», (игнорирующая родной язык учеников), ярким примером которой был инспектор народных училищ Туркестанского края С.М.Граменицкий, показала в итоге слабые результаты. Впоследствии она подверглась острой критике со стороны учеников Н.И.Ильминского – Н.П.Остроумова, Н.А.Бобровникова [17, 4] и др.

Русско-туземные школы, по мнению С.М.Граменицкого, «должны были проводить в среду туземного населения русскую грамоту и культуру и служить средством для просвещения и слияния с русскими всей массы туземного населения» [6, с.44]. Очевидно, что просветительство администрации преследовало «узко утилитарные цели» [19, с.82]. Насаждаемые школы были призваны, преж-

де всего, готовить кадры для местной низовой администрации. Принудительные меры приводили к тому, что многие родители «нанимали посторонних мальчиков, которые поступали в школы под именем их детей» [6, с.45]. В 1901 г. в 45 русско-туземных школах училось 1490 детей коренных жителей, что составляло примерно 0,05% от общего количества туземного населения Туркестана. Однако, полный курс за 25 лет прошли только 313 учеников. Формирование русско-татарских, русско-башкирских, русско-казахских, русско-туземных и других «инородческих» школ, - по убеждению А.Цаликова, - отражает стремление властей расшатать крепость религиозных устоев, «отторгнуть от единого мусульманского корня отдельные ветви тюрко-татарского племени, так как это разделение могло ослабить силу сопротивления и ускорить процесс русификации» [22, с.170-171].

Борьба правительства за «русское» образование мусульман продолжилась и в дальнейшем. «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» (от 31 марта 1903 г.) жёстко предписывали исключительное изучение русского языка. В начальных инородческих школах для изучения русского языка и церковно-славянского чтения отводилось 8 уроков, а на грамоту родного языка 4, в училищах с четырёхгодичным курсом русских язык имел 12, а природный всего только 2 урока [22, с.172]. На практике местная администрация в своих ограничениях пошла ещё дальше. Например, в уфимском русско-башкирском училище для девочек учительницы мусульманки были заменены русскими, выходные дни были перенесены на воскресенье, ученикам Оренбургской казахской учительской школы запретили посещать библиотеку «Оренбургского благотворительного общества» [22, с. 178] и т.д. Вследствие взрыва недовольства мусульманского населения в 1907 и 1913 гг. были приняты «новые» «Правила о начальных училищах для инородцев», которые отнюдь не изменили характера официальной школьной политики. «Школа государственная должна быть русской, правительственная школа не может иметь инородческого характера» [16, с.70]. Очевидно, что «этнические и культурные меньшинства могли развиваться только в жёстких рамках, отведён-

ных им государством»; «в XIX в. в рамках России как имперского государства... решение проблемы образования нерусского населения лежало в политической плоскости» [15, с.27-28].

Литература

1. Абай. «Свою судьбу от мира не таю...» Избранное. – Алматы: Изд-во «КРАМДС – Ахмет Яссауи» Казахского ПЕН-клуба, 1995. – 299 с.
2. Абрамов, Я. Кавказские горцы (Из личных экскурсий) // Дело. – 1884. - № 1. – С. 62-104.
3. Бартольд, В. В. История культурной жизни Туркестана. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1927. – 256 с.
4. Бобровников, Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресы Средней Азии. Путевые заметки. – СПб., 1913. – 90 с.
5. Горохов, В. М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья / В. М. Горохов. – Казань: Татгосиздат, 1941. – 259 с.
6. Граменицкий С. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. – Ташкент, 1896. – 86 с.
7. Граменицкий, С. 25-летие учебного дела в Туркестанском крае. - Ташкент, 1901. – 26 с.
8. Из черновых бумаг К.П. Победоносцева // Красный архив. - 1926. – Т. 5 (18). – С. 203-207.
9. Известия по народному образованию. – 1905. – декабрь. – С. 275-276.
10. Извлечения из писем Н.И.Ильминского к Н.П.строумову. (Приложение к статье П.В. Знаменского: «Участие Н.И. Ильминского в деле народного образования в Туркестанском крае». Прав. Собес. 1900 г. Ч.I). – Казань, 1900. – 84 с.
11. Ильминский, Н. И. Письма Н.И. Ильминского обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву. – Казань: Издание Редакции Православного Собеседника, 1895. – 414 с.
12. Искяндер-Мурза. Русские школы для мусульман в Туркестане // Восточное Обозрение. – 1883. - № 38. – 22 сентября.

13. Исмаил Бей Гаспринский. Россия и Восток. – Казань: Тат.книж.изд-во, 1993. – 130 с.
14. Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004. – 383 с.
15. Исхакова, Р. Р. Образование в дореволюционной России: идеологический и конфессиональный аспекты / Р. Р. Исхакова // Вестник Казанского технологического университета. – 2008. - № 6. – С. 26-32.
16. Климович Л. Ислам в царской России. Очерки – М.: ОГИЗ, Гос. антирел-е изд-во, 1936. – 407 с.
17. Остроумов, Н. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. – 1906. – Ч. I. – январь. – С. 113-166.
18. Остроумов, Н. Что такое коран? По поводу статей Г.г. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мурзы Алима (Перепечатано из №№ 1-10 «Туркестанских Ведомостей» за 1883 год). – Ташкент, 1883. – 156 с.
19. Потанин, Гр. В юрте последнего киргизского царевича (Из поездки в Кокчетаевский уезд) // Русское богатство. – 1896. - № 8. – С. 60-88.
20. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. X., № 276. - СПб, 1894. – С. 592.
21. Татарская энциклопедия в 5 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. - Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – Т. 1: А-В. – 672 с.
22. Цаликов, Ах. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М.: Издание М. Мухтарова, 1913. – 184 с.
23. Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Собр. соч. – Т. 2. – СПб: Изд-е О.Н. Поповой, 1894. – С. 548-632.
24. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. – СПб., 1882. – 471 с.
25. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб.: Изд-е И.М.Сибирякова, 1891. – 308 с.

